

Гу Чанъань, согнувшись, прильнул к столу и кликнул мышкой, обновляя страницу:

— Конечно.

Как только прозвучал последний звук, экран компьютера залило синим цветом.

Лу Чэн и Гу Чанъань переглянулись:

— ...

Гу Чанъань присел на корточки, чтобы разобрать системный блок, и, стоило ему дунуть в корпус, как облако пыли полетело прямо в лицо.

Лу Чэн посмотрел на него так, будто перед ним стоял беженец:

— Когда днем буду покупать кошелек, захватишь заодно и компьютер.

Гу Чанъань про себя подумал, что ничего он не захватит: расходы на компьютер в его планы на этот год не входили.

Лу Чэн великодушно добавил:

— Я куплю тебе, считай это платой за то, что живу у тебя.

Руки Гу Чанъаня замерли.

Заметив, что юноша поднял голову, Лу Чэн решил не тратить силы на пустые разговоры — пыль, летевшая из этого старого хлама, портила ему настроение.

— Решено.

Гу Чанъань отвел взгляд от спины мужчины, бросил на пол маленькую щетку и взъерошил волосы.

Тьфу, есть деньги — значит, ты и хозяин жизни.

Не прошло и часа после полудня, как Гу Чанъань повел Лу Чэна к дому Чжан Луна. Они доехали на такси, а потом еще немного прошли пешком.

Лу Чэн поинтересовался на ходу:

— Зачем ты привел меня сюда?

Гу Чанъань открыл в соцсети новости о Чжан Луне и, придав лицу серьезное выражение, произнес:

— Я еще не слышал, чтобы кто-то так умирал, вот и решил из любопытства взглянуть. Раз ты видишь призраков, может, удастся заметить и его дух? Тогда мы помогли бы полиции раскрыть это странное убийство и получили бы награду.

Лу Чэн мельком глянул на новостную ленту и, потеряв интерес, отвел взгляд.

— Дадут грамоту — тоже неплохо, прославимся, — Гу Чанъань сунул телефон в карман. — В последнее время сюда отовсюду съезжаются туристы, всех привлекает эта диковинная смерть

Чжан Луна.

Лу Чэн сделал вид, что не понимает:

— Им не страшно?

— Страшно, конечно, но любопытство берет верх, — Гу Чанъань кивнул на девушку неподалеку. — Ей едва за двадцать, а уже прибежала сюда вести стрим. У нее определенно есть деловая хватка. Не зря говорят: смелого и море по колено, а робкого и лужа погубит.

Лу Чэн оставил это без комментариев.

Гу Чанъань окинул взглядом наряд девушки и, покачав головой, словно старик, проворчал:

— В такой холод и так легко одета... Молодость — это прекрасно.

Лу Чэн покосился на него:

— На этой улице ты — самый тепло одетый человек.

Гу Чанъань, несмотря на свое хрупкое и чистое лицо, по-стариковски вздохнул:

— Я старею.

Лу Чэн прибавил шагу, оставив его позади.

Гу Чанъань намеренно завел Лу Чэна в переулок, где жил Чжан Лун.

Как только они вошли, Гу Чанъань почувствовал странный запах. Он не мог понять, что это, и не мог определить, откуда он исходит. Он спросил Лу Чэна, чувствует ли тот что-нибудь.

Лу Чэн ответил, что пахнет лишь мхом и сырой землей, затем запнулся и нахмурился:

— И еще...

Гу Чанъань остановился:

— И что еще?

— Собачье дерьмо, — ответил Лу Чэн.

— ...

У стены лежало несколько больших куч, и Гу Чанъань осторожно их обошел — он не хотел потом отмывать обувь.

Дверь дома Чжан Луна была заперта. Лю Цуйфан, непонятно, то ли была у Цянь Фэя, то ли ушла куда-то еще.

Дом слева тоже был закрыт — возможно, бабушка повела внучку гулять. А вот справа...

Проходя мимо, Гу Чанъань заметил, что дверь приоткрыта. Он заглянул в щель и увидел глаз, окруженный чем-то красным.

Это была та самая женщина с родимым пятном.

Изнутри донесся мучительный кашель:

— Кхе... кхе... кхе-кхе...

Гу Чанъань не шелохнулся, бросив быстрый взгляд на мужчину рядом. На лице Лу Чэна не было и тени удивления.

Призраков нет? Он ошибся?

В глазах Гу Чанъаня за стеклами очков промелькнул расчетливый блеск. Он подошел ближе и мягко спросил:

— Женщина, с вами всё в порядке?

Щель расширилась, и из темноты показалась сухая, костлявая рука, вцепившаяся в его рукав.

22. Глава 22

Рука, схватившая его, была похожа на скелет, обтянутый кожей болезненного серо-синего оттенка. Выступающие вены выглядели неприятно, но Гу Чанъань не отстранился, позволяя женщине держаться за него. Ее ногти впивались в ватную куртку.

— Женщина, вы...

Он не успел договорить, как женщина вывалилась из дома. Гу Чанъань подхватил ее обмякшее тело свободной рукой и, разглядев лицо, ахнул.

Как и говорила Лю Цуйфан, красное родимое пятно занимало большую часть лица, тянулось от правого виска под нос, на левую щеку и спускалось на шею.

Зрелище было пугающим.

Не только Лю Цуйфан, но и все соседи сторонились этой женщины, считая ее больной и уродливой, боясь заразиться ее невезением.

Гу Чанъань подхватил потерявшую сознание женщину на руки и шагнул в дом. Первое, что он отметил — она была теплой, живой. Второе — она была пугающе легкой, будто в ней не осталось ничего, кроме костей.

Позади было тихо. Гу Чанъань обернулся и увидел, что Лу Чэн стоит на месте, засунув руки в карманы, и смотрит на него с каким-то странным выражением лица.

— Чего застыл? Помоги мне.

Лу Чэн приоткрыл тонкие губы:

— Ты ее знаешь?

Гу Чанъань покачал головой:

— Нет.

Лу Чэн усмехнулся:

— Тогда ты, Чанъань, невероятно отзывчивый человек.

В этих словах не было искреннего восхищения. Гу Чанъань действительно не был святым, и за большинством его поступков скрывался умысел. Он сделал вид, что не расслышал подвоха, и поторопил мужчину взглядом.

В этот момент входная дверь с грохотом захлопнулась, словно ее подтолкнула невидимая рука.

Гу Чанъань невозмутимо прижал к себе женщину, внимательно осматриваясь.

Дверь снова скрипнула. Лу Чэн толкнул ее, перешагнул через порог и, закрыв за собой, вопросительно приподнял бровь, глядя на темноволосого юношу.

За эти несколько секунд у Гу Чанъаня по спине пробежал холодок. Его кровь могла справиться с живым человеком, но была бессильна против мертвых: их нельзя увидеть, нельзя почувствовать, невозможно атаковать, так как не за что зацепиться.

Неизвестность всегда таит в себе опасность.

Гу Чанъань занес женщину в комнату. Все, что он увидел, можно было описать четырьмя словами: голые стены.

Именно из-за отсутствия мебели новые туфли в углу выглядели так неуместно.

Наверное, все их дарил Чжан Лун при жизни.

Стоило Гу Чанъаню положить женщину на кровать, как она очнулась. Прошло не больше двух минут. Возможно, это был приступ гипогликемии — она выглядела истощенной.

Ее ввалившиеся щеки и выпирающие скулы делали глаза неестественно большими, а на фоне красного пятна лицо казалось еще страшнее.

Она посмотрела на двух незнакомцев с нескрываемым испугом и тревогой.

Гу Чанъань не выказал ни капли брезгливости. Улыбнувшись, он мягко произнес:

— Женщина, вы упали в обморок у дверей.

Она прислонилась к изголовью, ее лицо было покрыто испариной, а голос звучал едва слышно:

— С-спасибо.

Гу Чанъань незаметно осмотрел ее. Только сейчас он заметил, что на ней сандалии на босу ногу.

В такую погоду даже в теплых ботинках ноги мерзли, а эти сандалии выглядели слишком чужеродно. Он присмотрелся: кажется, мужские.

У женщины были крупные ступни, где-то 39-40 размера, кожа да кости.

Заметив его взгляд, она спрятала ноги.

Гу Чанъань дружелюбно сказал:

— Вчера выпал снег, сегодня все замерзло. Вы заболаете в такой обуви.

Женщина поправила волосы, пытаясь скрыть родимое пятно, и пробормотала:

— Н-нет, все в порядке.

Гу Чанъань не отступил:

— Когда я вошел, то увидел в углу много обуви, есть и зимние ботинки. Почему вы их не носите?

Она промолчала, продолжая натягивать пряди волос на лицо.

Гу Чанъань хотел что-то добавить, но женщину снова пробил кашель. Ее худое тело содрогалось, рот широко открылся, а налитые кровью глаза вылезли из орбит.

— Кхе... кхе-кхе... кхе-кхе-кхе...

В комнате слышался только этот мучительный кашель. Она почти легла на край кровати, сотрясаясь всем телом, словно пыталась выкашлять собственные внутренности.

Гу Чанъаня охватило странное чувство дискомфорта. То ли от вида ее рук, вцепившихся в кровать так, что вздулись вены, то ли от чего-то еще.

У женщины были длинные черные волосы, которые сейчас закрывали лицо, как черная ткань. Была видна только тонкая шея — казалось, ее можно переломить одним движением.

Все это напоминало палку, на которой держится голова, готовая в любой момент сорваться.

Лу Чэн, до этого молчавший, вдруг схватил Гу Чанъаня за плечо и дернул назад.

Гу Чанъань, не ожидавший этого, потерял равновесие и прижался к нему.

Не успел он опомниться, как Лу Чэн наклонился и прошептал прямо в ухо:

— Мне немного страшно.

Горячее дыхание обожгло кожу, вызвав мурашки. Гу Чанъань выпрямился и вопросительно посмотрел на мужчину: чего ты боишься? Здесь призрак?

Лу Чэн ответил одними губами:

— Тараканы.

Гу Чанъань:

— ...

Женщина перестала кашлять. Она тяжело дышала, глаза были красными от слез.

Гу Чанъань хотел подойти к кровати, но его снова удержали за руку. Он взглянул на Лу Чэна.

Тот снова беззвучно произнес:

— Тараканы.

Гу Чанъань не видел ни одного. В комнате царила лишь атмосфера смерти. Не успел он сделать шаг, как женщина попросила:

— С-сэр, не могли бы вы... подать мне воды?

Убедившись, что она обращается к нему, Гу Чанъань кивнул:

— Подождите.

Сказав это, он потянул Лу Чэна за собой из комнаты.

Когда юноша подошел к углу с обувью и начал фотографировать ее на телефон, Лу Чэн заметил:

— Ты очень интересуешься этим делом.

Гу Чанъань быстро спрятал телефон и улыбнулся:

— Открою секрет: на самом деле в моих жилах течет кровь справедливости.

Лу Чэн отвел взгляд, не желая на него смотреть.

Планировка дома была такой же, как у Чжан Луна, только второй этаж был не отделан — там не было следов жизни, только пыль, паутина и аккуратно расставленные вдоль стены туфли: на все сезоны, и все новые.

Иметь столько обуви и носить старые сандалии не по сезону — это было крайне нелогично.

Когда Гу Чанъань спустился вниз, Лу Чэн стоял во дворе, заложив руки за спину, с видом настоящего властелина мира.

Из дома снова донесся кашель. Гу Чанъань налил воды и понес внутрь.

Женщина потянулась к стакану, и Гу Чанъань засомневался, сможет ли она его удержать.

Наблюдая, как она пьет, он небрежно спросил:

— Женщина, вы живете одна?

Она едва заметно кивнула.

Гу Чанъань продолжил:

— Я читал новости, это жуткая история. Вы живете по соседству, будьте осторожны. Если есть друзья, пусть придут, посидят с вами, или вы поживите у них какое-то время.

Женщина опустила голову еще ниже:

— Нет... у меня нет друзей.

Из-за кашля голос ее звучал как наждачная бумага:

— Я... я слишком уродлива. Они... они плюют в меня, бьют, ругают, называют проклятой.

В ее словах было полно отчаяния, боли и самоуничтожения, но не было ненависти.

Гу Чанъань спрятал свои истинные эмоции:

— Друзей выбирают сердцем. Если они так поступают, значит, они не друзья. Не стоит из-за них грустить.

Худые плечи женщины задрожали.

Гу Чанъань поправил очки и медленно добавил:

— Хотя в этом мире много зла, добра все же больше.

Лу Чэн, стоявший у двери, замер, услышав это.

Женщина закашлялась, поперхнулась водой, лицо ее залили слезы и сопли.

— Вы знаете, — сказал Гу Чанъань, — когда человек умирает, то, куда он попадет — в рай или ад — зависит не от оболочки, а от сердца. Я недолго с вами знаком, но в ваших глазах не увидел зла. Думаю, у вас прекрасная душа. Вы добрый человек.

Женщина резко подняла голову.

Гу Чанъань улыбнулся ей самой искренней улыбкой.

— В каждом уголке мира люди живут тяжело, но все равно стараются изо всех сил. Жизнь бесценна.

Говоря это, Гу Чанъань казался необычайно серьезным, словно забыл, что сам он — законченный мизантроп.

Выйдя со двора, Гу Чанъань стер улыбку с лица. Он шел и анализировал все, что узнал, отделяя важное от второстепенного.

— Ты часто врешь?

Голос рядом прервал его мысли. Гу Чанъань поджал губы:

— С чего ты взял?

Лу Чэн шел вперед, не оборачиваясь:

— Ты врешь без запинки, никто не догадается, что это ложь.

Лицо Гу Чанъаня слегка дернулось, и он отшутился:

— Наверное, потому что я слишком красив.

Лу Чэн ответил, не глядя на него:

— Это твои глаза умеют обманывать.

Гу Чанъань почувствовал досаду, словно лиса, которую поймали за хвост:

— Я говорю только ложь во спасение.

— Все равно ложь, — отрезал Лу Чэн.

Гу Чанъань сделал пару шагов, обогнал его и встал лицом к лицу:

— А ты? Ты не врешь?

Лу Чэн тихо кашлянул и потер нос.

Гу Чанъань усмехнулся: сказать нечего? Сам еще тот актер, а еще меня упрекает.

Он откинул со лба прядь волос и, продолжая идти, произнес полуправду:

— Признаю, я приближался к той женщине с целью. Она живет рядом с жертвой странной смерти, ведет себя странно — это вызвало мое любопытство. Но слова, которые я сказал перед уходом, были правдой. Я ее не обманывал.

Лу Чэн посмотрел на стройную фигуру юноши:

— Человеческое сердце скрыто оболочкой. Ты правда можешь его видеть?

Гу Чанъань ответил загадочно:

— Смотря, хочет ли человек, чтобы я его увидел.

Лу Чэн решил, что он несет чушь.

Когда они вышли из переулочка, солнце согрело их лица, и Гу Чанъань почувствовал, что вокруг стало теплее:

— Лу Чэн, тебе не кажется, что эта женщина ведет себя странно, хотя выглядит разумной? От одних ее сандалий меня в дрожь бросает.

— Станных людей много, — ответил Лу Чэн.

Это был явный намек на то, что разговор окончен, но Гу Чанъань не унимался:

— Мне кажется, в том дворе веет холодом. Ты не видишь там призраков?

— Энергетика дома тесно связана с его обитателями. Эта женщина сама по себе уже «заплесневела», неудивительно, что в ее жилище нет жизни.

Гу Чанъань зацепился за новое слово:

— Заплесневела?

— Не только заплесневела, но и начала гнить, — бросил Лу Чэн на ходу.

— ...

Гу Чанъань быстро догнал его:

— Там правда нет призраков?

Лу Чэн, глядя в пустоту, ответил равнодушно:

— Не каждый после смерти остается в мире живых. Большинство уходит на перерождение.

Он прибавил шагу, отстраняясь от Гу Чанъаня. Его голос оставался холодным:

— А те, кто остается и не хочет уходить — либо неприкаянные души, либо злые духи.

Гу Чанъаня вдруг охватило раздражение. Старик, должно быть, уже переродился. Он пошарил по карманам — там были только телефон и кошелек, никакой еды.

— У тебя есть мармелад?

Лу Чэн покачал головой:

— В этот раз взял немного, почти все съел.

Гу Чанъань странно посмотрел на него:

— Эта штука правда — ваш местный деликатес?

Лу Чэн лишь загадочно улыбнулся.

Гу Чанъань заметил неприметный магазинчик в глубине жилого квартала и заглянул в кошелек:

— Куплю сигарет.

Лу Чэн удивился:

— Ты куришь?

— Иногда.

Гу Чанъань купил пачку «Лицюнь» и зажигалку за юань, как раз вышло пятнадцать. Он распечатал пачку и протянул сигарету Лу Чэну.

— Я не курю, — отказался тот.

Гу Чанъань улыбнулся, прищулив глаза:

— Тогда ты лишаешь себя одного из немногих удовольствий в жизни.

Он взял сигарету в зубы, чиркнул зажигалкой, и синий огонек осветил его лицо. Потянуло табаком.

Лу Чэн наблюдал, как юноша лениво затягивается, прищулив глаза. Эта привычка совершенно не вязалась с его образом прилежного ученика.

Ветер понес дым в сторону Лу Чэна, и тот отодвинулся — в этом движении чувствовалось явное

отвращение.

Гу Чанъань заметил это, в глазах его блеснул озорной огонек, и он внезапно выпустил облако дыма прямо в лицо мужчине, с удовольствием ожидая реакции.

Лу Чэн не сорвал маску, лишь поморщился:

— Неприятный запах.

Гу Чанъань смотрел на него сквозь дым. Казалось, за этой вежливой и мягкой маской скрывается холодный и расчетливый человек, такой же, как он сам.

Правда, у Гу Чанъаня не было врожденного лоска, он был обычным человеком из народа.

У каждого, кто носит маску, есть цель. Как и у Гу Чанъаня: он всегда прикидывается хрупким и безвредным, чтобы заманить жертву в ловушку.

А Лу Чэн скрывает свою натуру? Может, его собственная жизнь слишком скучна и он решил немного развлечься? Или просто знает, что его характер не нравится людям, и решил поиграть в «хорошего парня», раз его здесь никто не знает?

У богатых свои причуды, их трудно понять.

Гу Чанъаня охватило извращенное возбуждение: он с нетерпением ждал момента, когда маска Лу Чэна спадет.

Как мастер перевоплощений, Гу Чанъань знал: иногда сбросить маску сложно, а иногда это происходит в одно мгновение.

Жизнь полна драматизма.

<http://bllate.org/book/19143/1880135>